

Прод. — 1995 — 10 марта — с. 5

Его стихи мы всегда пели стоя

Наш собеседник —
Сергей Владимирович Михалков

Есть люди, которые являются как бы символами своего времени. Один из таких людей-символов советской эпохи — Сергей Михалков, автор знаменитого «Дяди Степы», ставшего любимым героем многих поколений советских детей, соавтор Государственного Гимна СССР, один из руководителей Союза писателей, Герой Социалистического Труда, человек, вхожий в самые высокие кабинеты... Впрочем, перечислять дела, должности и звания Сергея Владимировича можно долго. Сам же он написал обо всем в книге «Я был советским писателем», полный вариант которой появится в ближайшее время.

Недавно в Колонном зале прошел торжественный вечер, посвященный 60-летию Союза писателей СССР, который вел Михалков. С этого и начался наш разговор.

— В печати промелькнуло такое суждение: не следовало отмечать эту дату, потому что Союз писателей СССР был литературным ГУЛАГом...

— Почему-то такое говорят только о писательском союзе, хотя гонения, многочисленные жертвы, жесткий идеологический контроль были во всех без исключения сферах и структурах — и в армии, и в промышленности, и в научной среде. Но никому и в голову не пришло на этом основании разваливать, скажем, Академию наук. Писатели же свой союз разрушили, вернее, дали разрушить честолюбцам и конъюнктурщикам. И сейчас обстановка в литературной среде очень похожа на ту, что была до 1934 года: несколько группировок враждуют друг с другом, трагедия и силы не столько на творчество, сколько на изнурительную борьбу.

— Может быть, это реакция на искусственно внедрившееся в течение десятилетий единообразие? Люди устали...

— Дело в том, что мы ни в чем не знаем меры, и любимое наше занятие — рушить до основания. А затем приходит похмелье и усталость. Сегодня чувствуется усталость как раз от изолированности, от бесплодных, изнурительных споров и тяжб. Ведь по чьей инициативе отмечалось 60-летие писательского союза? Может быть, столичных функционеров, тоскующих по прошлому? Нет. Эту дату, без подсказки сверху, торжественно отметили во многих региональных организациях России и стран СНГ. Именно по их желанию Международное сообщество писательских союзов и Союз писателей России провели вечер в Колонном зале. Приехали гости из Казахстана, Белоруссии, Киргизии, Украины... Люди стеснялись по нормальному человеческому, творческому общению.

— В истории писательского союза немало хороших, добрых дел, о которых в основном и говорили на юбилейном вечере, но есть в ней и весьма мрачные страницы. Вы долгое время входили в руководящие органы Союза писателей СССР, с 1970 года в течение двадцати лет возглавляли российский организацию. Каков ваш сегодняшний взгляд на это?

— Союз писателей существовал в конкретном государстве, причем весьма жестко регламентированном. И в значительной степени он был его отражением. В те годы часто повторяли: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Приходилось принимать правила игры, заданные сверху. Даже таким крупным фигурам, как Горький, Фадеев... Сегодня, конечно, больно и стыдно вспоминать, как травил, скажем, Солженицына, а еще раньше Пастернака. Ни я, ни многие из тех, кто сегодня произносит эти имена с придыханием, не нашли тогда в себе мужества противостоять давлению Старой площади.

— Однако были и другие эпизоды. Известно, что в разгар проработочной кампании против повести «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева вы решительно высказались в его защиту...

— Не так давно Дудинцев сам напомнил мне об этом. В бытность мою председателем Союза писателей РСФСР на секретариат выступил и против подымавшейся в прессе волны критики повести Виктора Астафьева «Пастух и пастушка»...

Если же говорить о работе писательской организации в целом,

то не следует забывать о том, что делалось (особенно в последние десятилетия) для поддержки рядовых литераторов, об открытии новых издательств, о помощи начинающим авторам и многом ином. Мне особенно дорого то время, когда развивались, расширялись творческие связи национальных литераторов. На это не жалели ни сил, ни средств. Книжки писателей народов СССР, включая тех, кто не имел раньше письменности, переводились на русский язык и становились известны в стране и в мире. Ныне это утрачено. Разойдясь по национальным квартирам, мы очень многое потеряли.

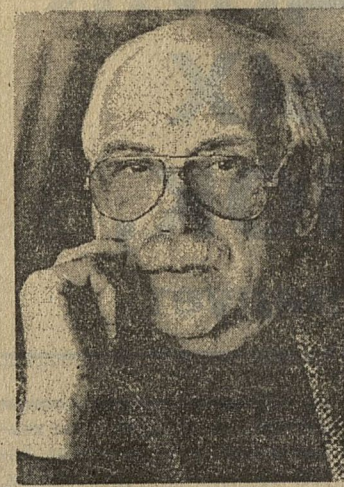
Конечно, на фоне трагических событий в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, Грузии, Чечне беды литераторов кажутся незначительными. Но уверен, что им надо уделять внимание. Ведь от писателей зависит немало. А сегодня многие из них, оставаясь со своими народами, ищут пути сближения, преодоления национальных границ. В чем мы еще раз убедились на юбилейном вечере. Это дает надежду и силы в повседневной работе. В частности, в той, что я веду в Международном сообществе. Между прочим, на общественных началах.

— Сергей Владимирович, не так давно вас можно было видеть на премьере фильма «Утомленные солнцем». Его автор — ваш сын Никита Михалков. Ваш старший сын Андрей снял ленту «Ближний круг» — о той же сталинской эпохе. Сейчас в нее всматриваются многие. А вот свидетелей остается все меньше. Уходит эпоха... А между тем в кинозале сидит человек, общавшийся и со Сталиным, и с его окружением. И, наверное, оценивает, насколько эти фильмы верно воспроизводят то время. С точки зрения и реалий, и атмосферы, и, главное, осмысления событий. Может быть, этот вопрос, что называется, не очень корректен — ведь речь идет о том, что создали ваши дети...

— Тем не менее попробую ответить. Ведь отношение к прошлому нынешних поколений — проблема очень важная. Особенно в условиях постоянного переосмысления нашей истории. В восприятии фильмов сыновей я, конечно же, субъективен. Но, смею надеяться, не столько как отец, а скорее как человек, имеющий свое мнение по тем или иным вопросам. Я, например, могу спорить с Андреем по поводу его последней картины «Курочка Ряба», но что касается «Ближнего круга» и «Утомленных солнцем», то этими историческими лентами я, скажем так, вполне удовлетворен.

— Сергей Владимирович, вы один из тех, чье имя и дела неразрывно связаны с советской эпохой, ее ценностями, идеалами. Государственный Гимн СССР, стихи, вошедшие в школьные учебники, самые высокие должности и награды говорят сами за себя. В то же время у вас выросли дети, которые выражают совершенно иные взгляды. Например, Никита Сергеевич — активный приверженец православной идеи, он ратует за возрождение в России монархии... Как объяснить такой «плюрализм» в рамках одной семьи?

— Моя молодость пришлась на тот период, когда казалось, что служить Родине можно, только служа советской власти, коммунистическим идеалам. Большинство моих ровесников верили, что, несмотря на все трагические издержки, это магистральный путь чело-

вечества. Тому были объективные подтверждения — мы были гражданами поистине великой страны, одержавшей победу над очень сильным врагом. Мы были искренни в своей вере. Дети же выросли в другое время, когда система начинала давать сбои, открывались также истинные масштабы жертв режима, нравственных и духовных потерь. У думающих людей все чаще возникали сомнения в жизнеспособности системы.

А что касается «плюрализма» мнений в нашей семье... На это, может быть, повлияла и непринужденная, насыщенная искусством обстановка в доме, где часто бывали известные писатели, композиторы, художники, артисты. Созданию такой атмосферы способствовала хозяйка, моя жена Наталья Петровна Кончаловская, известная детская писательница.

Мы старались не мешать сыновьям ни в выборе жизненного пути, ни в формировании взглядов на действительность. Хотя была и естественная родительская тревога. Выражать суждения, расходившиеся с официальной линией, было опасно для всех. В шестидесятые годы Андрей поставил фильм «История Аси Клячиной», впоследствии высоко оцененный критикой. А тогда министр госбезопасности Семичастный заявил мне: «Твой сын снял антисоветский фильм!» Эта лента двадцать лет пролежала «на полке».

Как и во всякой семье, мы в чем-то соглашались друг с другом, в чем-то расходились. Так, мы спорим с Никитой по поводу возрождения монархии в России. В нынешней обстановке, после столь долгого перерыва это кажется мне нереальным. К тому же нанесен сокрушительный удар по вере, по Православии, на котором в значительной степени держалась монархическая идея.

— Кстати, о ваших отношениях с Церковью. Думаю, для многих было полной неожиданностью, когда два года назад один из видных иерархов вручил вам высшую награду Православной церкви...

— Это история более чем десятилетней давности. Случилось так, что я принимал участие в решении вопроса о передаче Церкви одного из московских монастырей. Близилась дата Тысячелетия Крещения Руси. Но дело осложнялось тем, что горьком партии был категорически против открытия в столице новых культовых центров. Вопрос мог быть решен только на самом высоком уровне, а обращаться туда не решались, зная силу влияния Гришина и боясь получить отказ. И вот после в общем-то случайной встречи с митрополитом Филаретом, который рассказал мне обо всем, я попросился на прием к Черненко. Известно, что он имел большое влияние в партийном и государственном аппарате, в том числе и на Брежнева. Так вопрос был решен — через некоторое время Православной церкви был передан Свято-Данилов монастырь.

— Сергей Владимирович, на протяжении долгого времени вы были фигурой, закрытой для критики. С наступлением гласности ситуация изменилась — на вас обрушился град стрел...

— Да уж... Стараюсь относиться к этому философски. Поскольку я был не самой последней фигурой в советской системе, то с ее крушением часть ударов неизбежно должна была прийти и на меня. Я имею в виду критику не только вполне справедливую, но и совсем не справедливую. Что тоже объяснимо, если помнить о законе инерции. В данном случае — инерции разрушения.

Интересно другое: как проявляются люди в этих ситуациях. Иногда весьма неожиданно. Скажем, тот, кому я немало в свое время помогал, сегодня оказывается самым активным «подписантом» коллективных писем против меня. Вообще с этой формой эпистолярного жанра творится что-то странное. Скажем, появляется очередное письмо в газете, где в числе авторов я с удивлением обнаруживаю имя Юрия Нагибина. А через несколько дней я получаю от него послание, где говорится, что ничего подобного он не подписывал. Это письмо Юрия Марковича, к сожалению, уже покойного, хранится у меня.

Иногда некоторые «критики» так заигрываются, что достигают эффекта прямо противоположного задуманному. Ну в каком свете предстали авторы статьи в одном столичном издании, где с нескрываемой злобой рассказывается о вечере в Доме актера, посвященном памяти Натальи Петровны Кончаловской? По-моему, это саморазоблачительная публикация.

Как писатель, причастный к басенному творчеству, нередко вспоминаю вечно актуального Крылова. Такие его басни, как «Слон и Моська» или «Лев состарившийся», в которых говорится: «Всяк, за старые обиды Льва, в отмщенье, наперев ему наносит оскорбленье». Лев готов вынести все, но только не может «терпеть обиды от осла».

Впрочем, в последнее время этот поток идет на убыль. Люди, кажется, поняли, что я хоть и не ангел, но и не самый главный злодей.

— Коммунистический режим рухнул, а куда мы идем, не очень-то ясно. Мы живем в переходный период. Какие, на ваш взгляд, ценности прошлого стоило бы сохранить? И что из происходящего теперь вам по душе?

— Думаю, сегодня многие с тоской вспоминают о социальной защищенности простого человека, о том, что мы чувствовали себя гражданами великой, уважаемой в мире державы, об отсутствии тревоги за завтрашний день. Уж не говорю о том, что предвещать стрельбу из танков в центре Москвы или бои в Чечне невозможно было даже в самом страшном сне.

Но и в нынешнее смутное, тревожное время нельзя не приветствовать раскрепощение частной инициативы, без которой и человек жить не может, и экономика приходит, как мы видели, к застою. Пока это раскрепощение принимает порой уродливые формы, ему мешают. Но важен сам принцип.

Как писатель не могу не приветствовать отмену цензуры. Это создает условия для подлинной свободы творчества. Хотя без издержек не обошлось и здесь: на смену политической цензуре пришла экономическая — сервизную, некоммерческую книгу издать очень нелегко. Надеюсь, что и это со временем будет преодолено.

А относительно четких целей и ориентиров движения общества — куда же без них? Только не надо их выдумывать, искусственно конструировать, спешно занимать у кого попало. Думаю, все начнет обрывать, становиться на свои места, когда у руля окажутся люди, хорошо знающие нужды и особенности нашей страны, думающие больше о ней, о народе, чем о себе.

— Сергей Владимирович, жизнь состоит из огорчений и радостей. Огорчения не дают расслабиться, заставляя держаться «в форме», радости приносят удовлетворение, укрепляют уверенность в себе. Что придает вам силы сегодня?

— Главная радость для писателя — его работа, ощущение нужности людям. Поток предложений издателей выпустить ту или иную мою книгу — старую или новую — не иссякает. Значит, есть и читатели, которые эти книги ждут.

Другая большая моя радость — дети и внуки. Сыновья нашли свое призвание в творчестве и живут хоть и беспокойно, но интересно и духовно наполненно. Они — очень занятые люди, но я постоянно чувствую связь с ними. Значит, я не одинок. А для человека моего возраста это немало — чувствовать близость с детьми, испытывать гордость за них. И, конечно, близость с моим нестареющим читателем.

Беседа вел
Александр НЕБЕРОВ